ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

«Экспансия требований». Действительно ли Россия настаивает на отказе НАТО от военной деятельности в Центральной Азии?

Камилла ВАЛИЕВА

18 ноября 2026, 11:16



Казахстанские военные на тактических учениях с участием служащих из стран НАТО «Степной орел» (Steppe Eagle) в Алматинской области, 2015 год. В последний раз маневры проводились в 2019-м. В 2020-м их не было из-за карантина по COVID, в последующем они не возобновились

Центральная Азия неожиданно оказалась в повестке встречи о мире в Украине. Американская газета New York Times рассказала о списке требований, которые российская делегация предъявила на переговорах с украинской стороной, которые

проходят в Абу-Даби при посредничестве США. Москва, по данным издания, хочет, чтобы страны НАТО отказались от любой военной деятельности в Центральной Азии. Что именно может стоят за таким требованием России, чем этот пункт грозит ее южным соседям и стоит ли это воспринимать всерьез?

Азаттык Азия поговорил об этом с политологом и экспертом по безопасности Рустамом Бурнашевым, профессором Казахстанско-Немецкого университета.

Азаттык Азия: Если принять за данность, что Москва выдвинула такое требование для прекращения войны в Украине, то хотелось бы для начала узнать, как сейчас страны НАТО взаимодействуют с центральноазиатским регионом?

Рустам Бурнашев: Взаимодействие между странами Центральной Азии и НАТО является достаточно ограниченным. Еще в довоенный период [до 2022 года] со стороны НАТО звучала оценка, что это осторожное или аккуратное сотрудничество. Оно касается образовательных программ, программ разработки стратегии в ограниченных сегментах — борьба с терроризмом, насильственным экстремизмом.

Если мы говорим непосредственно о военном сотрудничестве — аспекте, который попадает в зону якобы требований России, — то это очень ограниченное количество учений. На настоящий момент это только одна линия учений, которые проводятся ежегодно в достаточно ограниченном формате, как правило, на территории Соединенных Штатов Америки.

View the media content

«Укладывается в логику, которую озвучивает Россия»

Азаттык Азия: Баз альянса в регионе нет, офис связи в Ташкенте закрыли еще в 2017 году. Что тогда Москва считает угрозой?

Рустам Бурнашев: Если говорить о той риторике, которая в России была в 2020–2021 годах, накануне начала военных действий, то для России была проблема в расширении НАТО, активном продвижении в ту зону, которая, с точки зрения России, является зоной обеспечения ее безопасности. Мы знаем, что один из поводов начала военных действий — вопрос о возможности вхождения Украины в НАТО.



ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:
NYT: Россия требует от НАТО отказаться от военной деятельности в Центральной Азии

В данном случае, мне кажется, позиционирование вопроса идет не о текущей реальности, а о возможной потенциальной реальности. Импульс расширения в НАТО присутствует, и страны Центральной Азии, как это ни странно, входят в европейское пространство в рамках пространства ОБСЕ, и присутствие НАТО тут наблюдается фактически с 1994 года в рамках Программа двустороннего сотрудничества НАТО со странами, не входящими в альянс, запущенная в 1994 годупрограммы «Партнерство ради мира». Понятно, что эта программа и сопутствующие программы могут предполагать усиление военного сотрудничества даже до вхождения той или иной страны-партнера НАТО по программе «Партнерство ради мира» в состав НАТО. Поэтому если мы говорим о стратегической упреждающей линии, то вопрос о том, что присутствие НАТО не должно быть в Центральной Азии в перспективе, вполне укладывается в ту логику, которую озвучивает Россия последние десятилетия.

Азаттык Азия: В публикации New York Times указано, что речь идет о любой военной деятельности. Но сейчас с вооруженными силами Центральной Азии, особенно с армией Узбекистана, активно работает Турция, страна альянса. Страны региона закупают у нее беспилотники Bayraktar, в Казахстане объявляли о строительстве завода по производству беспилотников Anka. Это может расцениваться как деятельность НАТО в Центральной Азии?

Рустам Бурнашев: Исходя из тех комментариев, которые последовали за статьей в New York Times, речь идет именно о многостороннем военном сотрудничестве. Вопрос двустороннего сотрудничества, в частности Турции и Узбекистана, в данный сегмент не попадает. Хотя понятно, что это только предварительные идеи и вполне возможно, что в дальнейшем будут ставиться вопросы о двусторонних отношениях. Но надо понимать: когда мы говорим о сегменте военного сотрудничества, мы разводим очень многие аспекты, например производство бронетехники по турецкой лицензии — все-таки военно-техническое сотрудничество и не рассматривается как военное в узком смысле слова. То же самое, когда мы говорим о программе подготовки кадров, разработки реформ вооруженных сил — мы знаем, что страны НАТО активно продвигали для стран Центральной Азии программу военно-гражданского сотрудничества и программу гражданского контроля за вооруженными силами. Как правило, эти сегменты не

считаются военным сотрудничеством, под которым понимают чаще всего учения и военное присутствие тех или иных стран-партнеров.

Азаттык Азия: Но это тоже тонкости. Если будут оставлены расплывчатые формулировки, тогда у Москвы будет возможность указывать, в том числе и Анкаре, что они не могут что-то делать как страна НАТО.

Рустам Бурнашев: Если и будут вноситься положения, которые мы обсуждаем, то весь понятийный аппарат будет фиксироваться очень четко, то есть будет фиксироваться — речь идет о многостороннем сотрудничестве под эгидой НАТО или туда будут попадать и двусторонние вопросы взаимодействия со странами-участницами НАТО, что будет пониматься под военным сотрудничеством, какие действия будут ограничиваться, а какие нет. Мне представляется, что именно такую позицию будет занимать Россия как страна, которая инициирует постановку этих вопросов.

«Стратегическое молчание» Центральной Азии

Азаттык Азия: Сейчас весь мир обсуждает как эту ситуацию, что Центральная Азия включена в список требований России по переговорам в Украине. Но сами правительства стран Центральной Азии молчат. Ничего не комментируют, хотя это касается их напрямую. Как вы думаете, почему?

Рустам Бурнашев: Есть несколько аспектов. Я обозначу два. Первый — мы не видим официального документа, речь идет о публикации в газете, которая ничем не подкрепляется, соответственно, реагировать на информационный вброс для стран Центральной Азии бессмысленно. Второй — у стран Центральной Азии есть достаточно выверенная стратегия в отношении последних событий. Мои коллеги обозначают ее как стратегическое молчание. Любое озвучивание своей позиции в отношении российско-украинской войны будет ставить наши страны в менее выгодно положение, чем имеется сейчас. То же самое и относительно гипотезы, которую мы обсуждаем.



Военнослужащий британской армии готовится поднять государственный флаг своей страны во время церемонии открытия совместных военных учений «Степной орел» на полигоне близ Алматы, 8 августа 2011 года

Нам НАТО в целом не предлагает расширенного партнерства, у нас не стоит вопрос о том, что мы хотели бы усиливать наше военное сотрудничество со странами НАТО — этот вопрос не стоит сейчас. И говорить «нет, мы хотели бы с НАТО сотрудничать», будет ставить любое высказывание в конфликтные или в квазиконфликтные отношения с Россией, либо в квазиконфликтные отношения со странами НАТО.

Более того, даже если гипотеза будет верна, мы же с вами понимаем, что мы можем попасть в такую ситуацию, когда наши партнеры скажут «да, у стран Центральной Азии есть суверенное право входить в те или иные международные организации», но страны НАТО нас не будут туда приглашать. Поэтому зачем заявлять о какой-то своей позиции по поводу крайне гипотетического вопроса?

Азаттык Азия: Как вы думаете, как себя чувствуют в столицах региона, когда все это происходит? Они думают, что нас опять втягивают в какие-то большие геополитические вещи, оставьте нас в покое, мы и так не собираемся в НАТО? Или не обращают внимания и следят как за информационным каким-то процессом?

Рустам Бурнашев: Мне кажется, вторая версия. Скорее всего, идет отслеживание информационного потока — как ставятся вопросы, как реагируют те или иные государства, организации на такой вброс. Более того, с моей точки зрения, наши страны здесь приобретают определенный плюс, потому что мы можем посмотреть, как на идею будут реагировать партнеры по обе стороны конфликта.

Что может измениться для региона?

Азаттык Азия: Если предположить, что такой пункт по Центральной Азии действительно присутствует в списке требований, как вы думаете, что может измениться для стран региона в плане военного сотрудничества?

Рустам Бурнашев: Вопрос состоит в том, что мы будем понимать под военным сотрудничеством. Если мы говорим об узком термине, то для наших стран абсолютно ничего не поменяется. В худшем случае партнеры в лице НАТО перестанут приглашать наши вооруженные силы для участия в очень ограниченном количестве учений. В остальных направлениях ничего не поменяется, потому что все другие аспекты нашего сотрудничества — как с НАТО в целом, так и с отдельными странами — под четко понимаемое военное сотрудничество не подпадают.

Азаттык Азия: Если Турции не будет позволено взаимодействовать с нашими армиями, как это скажется на вооруженных силах региона? Турция проводит совместные учения, Азербайджан и Узбекистан участвуют них. И беспилотники я уже упоминала. Как это может повлиять, если придется прекратить военное сотрудничество с Турцией?



Беспилотник Bairaktar в Кыргызстане

Рустам Бурнашев: Военное сотрудничество затрагивает только учения. Доступ к военным технологиям, к тактическим, стратегическим наработкам прекращаться не будет. Мы можем совершенно спокойно можем сохранять сотрудничество с Турцией через Азербайджан, когда те же самые подразделения вооруженных сил стран Центральной Азии будут участвовать в учениях с азербайджанскими вооруженными силами, через которые будут передаваться какие-то установки, наработки, которые имеют турецкие войска. Каких-либо катастрофических изменений для вооруженных сил не будет.

Понятно, что есть определенные политические нюансы. Ни одна страна, в том числе в Центральной Азии, не хотела бы попадать в такую зону объектности, когда что-то решают за нее. Но, опять-таки, мы не можем навязать нашим партнерам сотрудничество: если НАТО не хочет, мы не можем заставить с нами дружить. Для военно-технического сегмента никаких катастрофических последствий не вижу. Векторы будут сохраняться и реализовываться, не будут затрагиваться только вопросы прямого военного присутствия стран НАТО в регионе и военных мероприятий.

«Экспансия требований»

Азаттык Азия: Как вы думаете, почему эта тема вызвала интерес в широких кругах? Понятно, что интерес есть в самой Центральной Азии. Но есть интерес и у иностранных пользователей, исследователей, они тоже это комментируют и

обсуждают, почему вдруг внезапно появилась Центральная Азия, хотя всегда фокус был, когда говорили про Россию и Украину, на Восточной Европе.

Рустам Бурнашев: Появляется идея, что спектр требований со стороны России якобы расширяется. Если раньше речь шла исключительно о европейском пространстве, то теперь неожиданно туда попадают Южный Кавказ и Центральная Азия. Происходит экспансия требований, предъявляемых Россией к странам НАТО.

Понятно, что такая позиция является достаточно неожиданной. С другой стороны, если мы возвращаемся в 2019-й, 2020-й, то эти требования, по сути, звучали уже тогда. Сейчас они обретают резкость, некую повышенную остроту на фоне войны и переговорного процесса, связанного с военными действиями.

Азаттык Азия: Какие рычаги есть у Москвы, чтобы добиться выполнения этого условия, если оно есть? Может ли быть торг вокруг этого?

Рустам Бурнашев: Понятно, что это переговорная позиция, которая, вероятно, существует, по которой, безусловно, могут идти переговоры. Она не является принципиально значимой ни для НАТО, ни, может быть, для России. Хотя для России она более значимая — чтобы не было расширения НАТО, захватывающего страны Центральной Азии.



ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

«Старшего брата» больше нет. Как страны Центральной Азии покупают оружие не у России

Я думаю, что в целом это точка переговоров. Не думаю, что наиболее болезненная точка, поэтому она возникает только сейчас, далеко не на первом переговорном треке. Можно предположить, что эту точку предлагают западные партнеры как один из бонусов, который Россия может получить. Может быть, сама Россия об этом и не задумывается, но западные партнеры предлагают как некий дополнительный пункт, который будет уравновешивать компромисс вокруг Украины. Видимо, предлагается России пойти на какой-то компромисс, на уступки, в обмен на которые будет сокращение военного сотрудничества НАТО с Центральной Азией, — я вполне могу предположить такой вариант.

Понятно, что регулятивные механизмы — как гарантировать достигнутые договоренности — это один из ключевых вопросов для переговорного процесса по урегулированию ситуации в Украине. Все стороны конфликта опасаются, что заключенный мир не будет долгосрочным — мы видели аргументацию рисков со стороны Украины, России, стран Западной Европы. Когда в международных отношениях мы начинаем отходить от разделяемых норм и ценностей, гарантии безопасности, гарантии соблюдения договорной базы являются ключевым вопросом. К сожалению, представить, что будет выступать в качестве гарантий сейчас, мне крайне сложно. Я очень серьезно опасаюсь, что ни одна сторона переговорного процесса 100-процентного решения, как гарантировать, чтобы конфликт не начался снова, просто не имеет. Соответственно, и на косвенные вопросы — как гарантировать, чтобы НАТО не имела военного присутствия в Центральной Азии — тоже очень сложно ответить. В переговорный трек наши страны пока никак не включены, нас пока никто не спрашивает, хотим ли мы сохранить военное сотрудничество, или мы хотели бы от него отказаться. Понятно, что если бы мы хотели его сохранить, то риск несоблюдения этой договоренности будет еще выше.

This item is part of

Политика | Центральная Азия | В мире | Темы дня | Россия | Война в Украине

Азаттык Азия © 2026 RFE/RL, Inc. | Все права защищены.